

Го Саньфэн всё ещё был погружён в шок от того, что он, переродившись в призрака, влюбился в Чжисиня. Чёрт возьми, он ведь собирался стать великим мастером, а вместо этого превратился в призрака, да ещё и влюбился в мужчину...

Чжисинь вдруг заговорил:

— Тот человек, что был здесь недавно, — твой старый друг, Лю Ланьси. Ты его помнишь?

Го Саньфэн покачал головой:

— Не помню.

Чжисинь приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но в итоге лишь вздохнул:

— Ладно.

В голове Го Саньфэна царил полный хаос. Он сначала думал, что между Чжисинем и Лю Ланьси что-то было, а теперь выяснилось, что это он сам влюблён в Чжисиня и они в каком-то противостоянии...

Ночью Чжисинь тихо остановился на крыше спальни Лю Ланьси. Дождавшись, когда дыхание в комнате станет ровным, он достал из кармана благовоние возвращения души, оставленное ему учителем. Оно позволяло проникнуть в сознание спящего и исследовать его прошлое.

Он зажёл благовоние и, устроившись рядом, погрузился в медитацию.

На деревянном столе в курильнице поднимался лёгкий дым.

— Слышал, ты избил ночного сторожа Чжао Хромого и снова заплатил немало серебра, — улыбнулся Лю Ланьси. — Разве господин Ши не отправил тебя в родовой храм?

Ши Ланьтин, стоявший у окна, повернулся, его губы и зубы ярко выделялись на фоне лица:

— Просто пришлось простоять на коленях день.

— Ну да, только если бы тебя заставили стоять три дня, ты бы сгорел. Как ты вообще мог придумать такой способ? Ты как будто раздающий деньги святой, поделись и со мной немного.

Ши Ланьтин улыбнулся:

— Я встретил даоса.

Лю Ланьси, игравший на струнах цитры, резко дёрнул за них:

— Ты, мерзавец, кого только не встретишь, а ты связался с этим даосом!

Ши Ланьтин приподнял подбородок:

— Он другой, я думаю, он станет бессмертным.

Лю Ланьси, лежа на кушетке, швырнул книгу:

— Бред, ты ради какой-то непонятной птицы построил храм Чжуцюзэ?

На плече Ши Ланьтина сидела зелёная попугайка с красным клювом, он кормил её

золотистыми зёрнами кукурузы:

— Я сохранил дерево софоры, и теперь в Шоуняне есть зерно для помощи голодающим. Это два в одном.

Птица клюнула его ладонь, и Ши Ланьтин улыбнулся:

— Видишь, если я говорю о ней плохо, она обижается. Моя Бабао — не простая птица.

— Ланьси, вот тебе нотный свиток, сыграй его, когда будет время, — протянул Ши Ланьтин свиток.

— Как я могу играть за тебя? — спросил Лю Ланьси, принимая свиток.

Ши Ланьтин горько улыбнулся:

— Мой отец злится, что я не занимаюсь семейным делом, и не любит, когда я возюсь с этим.

Лю Ланьси начал играть. Ши Ланьтин молча выслушал:

— Именно эта мелодия.

Лю Ланьси сидел у реки, сжигая бумажные деньги, по его лицу текли слёзы, и он тихо говорил:

— Ланьтин, ты сам виноват, зачем ты связался с этим даосом, он лишил тебя жизни, как Шоунян мог отпустить этих двух даосов!

Чжисинь вздрогнул, открыл глаза, быстро потушил благовоние и аккуратно убрал его. Он только что увидел в сознании Лю Ланьси все фрагменты, связанные с Ши Ланьтином, но почему-то часть воспоминаний оборвалась.

Однако его удивило, что Ши Ланьтин в воспоминаниях Лю Ланьси сильно отличался от того, кого он знал. Тот намеренно устраивал неприятности, чтобы помочь другим? Построил храм Чжуцзюэ для помощи голодающим? Такой подход действительно поражал. Кроме того, что это за нотный свиток, который Ши Ланьтин дал Лю Ланьси?..

В сердце Чжисиня возникла странная тоска, и он даже почувствовал что-то смешное. Если он любил его, зачем тогда делал то, что вызывало его недовольство? Ши Ланьтин был действительно странным человеком.

Лю Ланьси сидел за столом, слушая, как ученики играют на цитре, и указывал на их ошибки. Среди них были талантливые и обычные.

Игре на цитре Ши Ланьтина тоже учил он. У того был хороший талант, но он редко играл. Как-то он написал для него нотный свиток, и это было ради того противного даоса, но почему-то он не мог найти этот свиток.

Лю Ланьси почувствовал, что его память путается. Он поднял взгляд и увидел, что тот самый даос стоит снаружи. Он ещё осмелился прийти!

— Лю Шичжу, прошу прощения за беспокойство, — Чжисинь поклонился.

— Что тебе нужно? — Лю Ланьси махнул рукавом, даже не желая смотреть на Чжисиня.

— Ши Ланьтин уже мёртв, как бы ты меня ни ненавидел, его душа неполна, и он не может переродиться. Я надеюсь, что ты сможешь оставить ненависть и помочь мне найти его душу, чтобы он смог войти в цикл перерождений. Я хочу сделать всё возможное.

Лицо Лю Ланьси смягчилось:

— Что я могу сделать?

Чжисинь поклонился:

— Благодарю тебя. Ты был его близким другом. Было ли что-то необычное в нём перед тем, как его поразил демон сердца?

Лю Ланьси повернулся, на его лице появилось замешательство:

— Я помню только, что он тогда любил тебя, а ты не хотел с ним общаться, что его очень огорчало. А потом я узнал, что ты убил его. Что происходило между этими событиями, я не помню.

Чжисинь вдруг вспомнил, как прошлой ночью ему снилось, что Ши Ланьтин упал в воду. Он сделал шаг вперёд и спросил Лю Ланьси:

— Однажды я слышал, как ты играл на цитре, а Ши Ланьтин упал в этот пруд. Ты помнишь это?

Лицо Лю Ланьси сразу же стало суровым:

— Когда я играл для тебя? Ланьтин любил тебя, как я мог общаться с тобой наедине? Ты что, считаешь меня каким-то человеком?

— Прошу прощения за дерзость, — Чжисинь отступил на шаг, его брови сдвинулись. — Благодарю тебя.

Лю Ланьси ушёл сам. Чжисинь обошёл толстую иву, где Го Саньфэн, держа зонт, принял человеческий облик. Чжисинь спросил:

— Ты всё слышал?

— ...Да, — ответил Го Саньфэн.

С тех пор как он узнал, что Ши Ланьтин любил Чжисиня, он чувствовал себя неуютно. Он не знал, продолжать ли притворяться, что ничего не помнит, или изображать любовь.

— Лю Ланьси — твой близкий друг, возможно, от него можно узнать, где находится твоя душа, но... — Чжисинь задумался.

— Даос, когда я был одержим демоном сердца, обычные люди этого не видели, и ты не можешь доказать это другим, верно? — Го Саньфэн только недавно узнал, что Ши Ланьтина убили не из-за его плохого характера, а потому что он был одержим демоном сердца, и Чжисинь убил его, чтобы избавиться от демона.

Чжисинь задумался на мгновение, затем медленно сказал:

— В тот момент я действовал в спешке, мои способности и способности моего учителя были ограничены. Убить тебя было вынужденным решением.

Го Саньфэн не знал, что сказать, он только чувствовал жалость к Ши Ланьтину. Влюбиться в человека, который даже не знал об этом, а потом быть убитым им...

Чжисинь и Го Саньфэн пришли к Лю Ланьси «вспомнить старое», а Юйнуань, которому стало скучно, отправился гулять на рынок. Теперь он вернулся с кучей еды и игрушек, а рядом с ним был чиновник Сюй Цзижу.

Чиновник поклонился:

— На рынке много людей, лучше не оставляйте молодого господина одного.

— Вы правы, спасибо за напоминание.

Го Саньфэн поблагодарил, но вдруг вспомнил об Инсюэ, которая украла его зонтик и умерла при загадочных обстоятельствах. Он почувствовал, что над его сердцем нависла гильотина:

— Скажите, чиновник, расследование смерти Инсюэ завершено?

Чиновник на мгновение замер, затем с сожалением сказал:

— Врач, проводивший осмотр, уже всё проверил, это действительно было самоубийство. У неё был слишком сильный характер, её отругала хозяйка, и она покончила с собой.

Он глубоко вздохнул.

— Понятно... — Го Саньфэн явно помнил, что Пэй Гуань говорил, будто Инсюэ собиралась вернуться домой на следующий день. Как она вдруг решила покончить с собой?

Го Саньфэн хотел спросить ещё, но Чжисинь вдруг сказал:

— Жизнь и смерть предопределены, никто не может это предугадать.

Го Саньфэн, держа зонтик, стоял в тени дерева, глубоко задумавшись, его лицо казалось ещё бледнее, черты лица — более изящными.

Чиновник напрягся, с беспокойством сказав:

— Даос Саньфэн, вы, кажется, нездоровы. Я вижу, что вы выглядите больным. Я немного разбираюсь в медицине.

Он протянул руку, чтобы проверить пульс Го Саньфэна.

Го Саньфэн испугался. Он помнил слова Чжисиня, что нельзя позволять людям касаться его. Он быстро отступил назад, не подозревая, что за ним был пруд...

Он мысленно застонал. Чтобы никто не заметил, что у него только человеческая форма, но нет тела, ему пришлось самому погрузиться в пруд.

— Брат! — Юйнуань бросил свои вещи и сразу же прыгнул в пруд вслед за ним.

Го Саньфэн пытался вспомнить, как тонущие люди барахтаются в воде. Он сделал несколько движений и погрузился под воду, зонтик выпал из его рук.

Пруд был таким же, как и снаружи: зелёным, видимость была плохой. Го Саньфэн открыл

глаза, не зная, есть ли на дне сокровища. Хотя бы монетки, которые влюблённые бросают в пруды для загадывания желаний.

Здесь было тихо и холодно, словно он был отрезан от мира. Все радости и печали казались такими далёкими...

<http://bllate.org/book/16812/1545745>